

"Что такое жизнь"

**Религиозно-философское
исследование протоиерея А.М.
Иванцова-Платонова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4

"Что такое жизнь": Религиозно-философское исследование протоиерея А.М. Иванцова-Платонова / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 80 с.

ISBN 978-5-519-86703-0

ISBN 978-5-519-86703-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ“.

Скажи мнѣ, Господи, путь, вонъже пойду!

I.

При окончаніи курса воспитанія, при вступленіи въ жизнь самостоятельную, ваши молодые головы естественно наполняются мечтами и представленіями о жизни, молодые сердца горятъ желаніемъ скорѣе извѣдать пріятныя и, пожалуй даже, непріятныя стороны жизни и взять отъ нея на свою долю, что только можно будетъ, лучшаго и пригоднаго для себя. При этомъ, конечно, у многихъ изъ васъ возбуждается вопросъ о томъ, что же такое въ своей сущности эта жизнь, которую прошли прежде васъ тысячи поколѣній и несчетные милліоны людей и послѣ васъ пройдутъ можетъ быть еще болѣе поколѣній и милліоновъ,—какъ смотрѣть на нее, чего искать въ ней, какой ея смыслъ и какая цѣль? Очень естественно вамъ, въ настоящій важный моментъ вступленія въ жизнь самостоятельную, задаваться этимъ серьезнѣйшимъ и существеннѣйшимъ для человѣка вопросомъ, чтобы сколько нибудь уяснить его себѣ, и на основаніи этого такъ или иначе опредѣлить свои отношенія къ жизни.

Съ самыхъ первыхъ временъ существованія рода человеческого много людей занималось рѣшеніемъ этого вопроса. И много крѣпкихъ умовъ колебалось, и много благород-

нѣйшихъ сердець разбилось въ сомнѣніи и отчаяніи при безвыходныхъ трудностяхъ въ разъясненіи этого вопроса. Много съ незапамятныхъ временъ сохранилось и отвѣтовъ на этотъ вопросъ—для памяти и поученія позднѣйшимъ поколѣніямъ, отвѣтовъ, придуманныхъ глубокими умами, пострадавшихъ горячими сердцами. Но мало подвинулось впередъ разъясненіе вопроса. Вопросъ по прежнему стоитъ въ своей грозной силѣ и неотразимой увлекательности. Иногда въ челоѣчествѣ, изнемогающемъ въ безплодныхъ усиліяхъ приблизиться къ рѣшенію его, является желаніе какъ бы отдѣлаться, убѣжать отъ этого вопроса, отвести глаза, забыть, уничтожить его, вырвать изъ глубины ума и сердца. Но напрасная попытка! Заглушаемый въ одной сферѣ жизни, роковой вопросъ съ неотразимою силою возстаетъ въ другой, и за всякое намѣренное, или ненамѣренное равнодушіе къ нему извѣстной исторической эпохи или извѣстнаго поколѣнія, люди послѣдующей эпохи, другаго поколѣнія, а иногда и того-же самаго, платятъ усиленнымъ болѣзненно-распаленнымъ напряженіемъ къ его разъясненію. И чувствуется челоѣку во глубинѣ его ума и сердца, что ему никогда не отдѣлаться отъ этого неотразимаго вопроса, что онъ не можетъ забыть, стереть, уничтожить его, не отказавшись отъ своей собственной сущности, не переставъ быть челоѣкомъ, не сдѣлавшись животнымъ безмысленнымъ. И Богъ знаетъ,—сколько вѣковъ пройдетъ еще въ безплодныхъ попыткахъ къ рѣшенію этого вопроса, сколько умовъ помрачится и сердець разобьется отъ его неразрѣшимыхъ трудностей...

А между тѣмъ есть и такой отвѣтъ на этотъ вопросъ, который разрѣшаетъ его трудности, примиряетъ противорѣчія, уясняетъ его по крайней мѣрѣ настолько, насколько это нужно для существенныхъ потребностей челоѣка,— отвѣтъ поразительный по своей простотѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ по своей глубинѣ и высотѣ. И этотъ отвѣтъ тѣмъ болѣе долженъ бы внушить довѣріе къ себѣ, что онъ не слабымъ умомъ челоѣческимъ измышленъ, а открытъ челоѣку

самимъ Богомъ—въ Его св. откровеніи, засвидѣтельствованъ и подтвержденъ несомнительными доводами,—не словами и произвольными теоріями и предположеніями, а безчисленными знаменіями сверхъ-естественной Божіей силы и жизнью великихъ свидѣтелей Божественнаго откровенія. Людямъ, кажется, оставалось бы съ искреннею радостью и всецѣлымъ довѣріемъ принять этотъ отвѣтъ, по возможности выразумѣть и разъяснить его для себя, провести по всѣмъ сочетаніямъ своей мысли, объединить и освѣтить имъ свои убѣжденія и воззрѣнія и принять его къ руководству въ направленіи самой жизни. Но многіе изъ людей не желаютъ этого:—иные по невѣдѣнію отвергаютъ Божественную истину, другіе (къ чести или не къ чести для ихъ ума, только не къ счастью для ихъ сердца) намѣренно стараются отвращать свои глаза отъ нея потому, что она дается человѣку отвнѣ, (хотя она вовсе не чуждая человѣку истина, а вполне согласная съ глубокимъ сознаніемъ его собственной души);—имъ непремѣнно хочется своими усиліями, своимъ умомъ открыть себѣ тайну и освѣтить сущность жизни,—хотя на основаніи чужихъ опытовъ и неотразимаго сознанія очевидной ограниченности своего ума, они необходимо должны сознавать въ глубинѣ своей совѣсти, что этого они никогда не могутъ достигнуть. И этимъ-то они сами себя осуждаютъ на безконечное исканіе безъ цѣли обрѣтенія, на безконечное блужденіе безъ надежды успокоенія,—которое въ людяхъ наиболѣе ограниченныхъ и неглубокихъ оканчивается притупленіемъ и уничтоженіемъ высшихъ порывовъ ума и сердца—равнодушіемъ къ высшимъ вопросамъ и интересамъ жизни,—а въ умахъ наиболѣе глубокихъ и послѣдовательныхъ, въ сердцахъ горячихъ и впечатлительныхъ разрѣшается нѣрѣдко безвыходнымъ скептицизмомъ, мрачнымъ отчаяніемъ, потерю всякаго наслажденія—всякаго вкуса въ жизни, потерю, можно сказать, самаго права на жизнь.

Итакъ, вотъ передъ вами два пути жизни. Одинъ путь вѣры и преданности Божественному Промыслу, когда чело-

вѣкъ сознаетъ ограниченность своихъ силъ, необъятную тяжесть жизненныхъ задачъ и предаетъ себя водительству высшей Божественной Руки, освѣщаетъ для себя свѣтомъ вѣры таинственный мракъ жизни, и скромно, но вѣрно и твердо—безъ гордости, но и безъ самоуничиженія, безъ крайней самоувѣренности, но и безъ малодушнаго унынія и отчаянія—съ вѣрою, надеждою и любовью идетъ къ существенной цѣли жизни. Другой путь—гордой, но безсильной и безпомощной самоувѣренности, когда человѣкъ не хочетъ принимать себѣ въ руководство Высшей помощи и освѣщать для себя путь жизни даруемымъ ему свѣтомъ вѣры,—въ этой страшной мглѣ, покрывающей тайну жизни, хочетъ настолько изощрить зрѣніе своего собственнаго ума, чтобы видѣть сокровенный смыслъ бытія, безъ всякаго высшаго озаренія,—на тернистомъ и скользкомъ жизненномъ пути хочетъ научиться стоять и ходить безъ всякой посторонней опоры.—И естественно обманывается; принимаетъ блуждающіе огоньки, обманчивый призракъ смертнаго разложенія за немерцающій свѣтъ истины и жизни, принимаетъ вязкое болото житейскихъ страстей за твердую почву; и заблуждается, и претывается, и падаетъ, и безпрестанно переходитъ отъ самообольщенія къ унынію, отъ унынія къ самобольщенію—до тѣхъ поръ, пока, выбившись изъ силы, не упадетъ совсѣмъ въ безчувственномъ оцѣненіи и въ мрачномъ отчаяніи...

Впрочемъ есть и еще одинъ путь жизни.—Это тотъ путь, когда человѣкъ безъ усилій и борьбы, заранѣе, съ первымъ пробужденіемъ самостоятельности и сознанія, уничижаетъ свое достоинство, обрекаетъ свою жизнь на безмысліе и ничтожество;—когда человѣкъ, разъ навсегда, безъ труда и напряженія мысли,—рѣшивъ для себя, что сокровенный смыслъ и высшая цѣль жизни недоступны для него, отказывается даже отъ всякой попытки сколько-нибудь прояснить для себя этотъ мракъ жизни свѣтомъ ли самостоятельной мысли, или свѣтомъ вѣры, — а чтобы

лучше освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія этого мрака, самъ закрываетъ свои глаза, старается заглушить въ себѣ высшіе вопросы и стремленія духа; — живетъ, какъ случится, удовлетворяя главнымъ образомъ низшія потребности и страсти своей животной натуры, — думаетъ о чемъ случится, на что натолкнуть его мысль внѣшнія обстоятельства; живетъ, не давая себѣ отчета въ смыслѣ и цѣли жизни и не задумываясь надъ тѣмъ, чѣмъ она кончится, — живетъ какъ во снѣ, увлекаясь произвольно и бессознательно приливомъ и отливомъ непрестанно смѣняющихся видѣній и иллюзий, не имѣющихъ ни реальнаго смысла, ни внутренней связи, — блуждаетъ и толкается, какъ слѣпой на торжищѣ жизни и остается еще очень доволенъ такою жизнью. Но такая жизнь недостойна человѣка, — болѣе свойственна безсловеснымъ животнымъ, нежели человѣку. Ибо человѣкъ тѣмъ главнымъ образомъ и отличается отъ животныхъ и всей безсмысленной природы, въ томъ его преимущество и право господства надъ безсмысленной природой, что онъ есть существо самосознающее и самоопредѣляющееся. Человѣку нужно не только жить, но и давать себѣ отчетъ о смыслѣ и цѣли жизни, не только дѣлать что-нибудь, но и собственнымъ убѣжденіемъ и волею давать смыслъ и направленіе своей дѣятельности. И притомъ мы думаемъ, что сколько бы ни старался человѣкъ сдѣлаться животнымъ — огрубѣть и опошлѣть, заглушить сознание и всѣ высшія стремленія духа, — этого ему никогда не удастся окончательно сдѣлать: человѣческая натура сказывается по временамъ, безпокойные вопросы о смыслѣ и цѣли жизни возмущаютъ животное самодовольство самой грубой и лѣнивой натуры, — потребность убѣжденій относительно высшихъ вопросовъ жизни есть и сказывается во всѣхъ людяхъ. Иногда человѣку напоминаетъ о нихъ и сама жизнь, своими толчками и превратностями невольно выводящая человѣка изъ произвольнаго забытья и пробуждающая его осмотрѣться въ его непрочномъ положеніи. Въ особенности, мы думаемъ, эти тревожные вопросы должны пробудиться у каждаго при концѣ

жизни,—ибо дошедши до конца, каждому, самому равнодушному къ высшимъ вопросамъ, естественно спросить себя, что же далѣе — за этимъ концомъ? И кажется даже, что у людей, которые въ обычное время, большую часть жизни не привыкли, не любятъ думать объ этихъ вопросахъ и серьезно относиться къ нимъ, тѣмъ съ большею силою, тревогою и мученіемъ поднимаются эти вопросы, когда имъ приходится время возстать изъ глубины сдавленной души. Вотъ почему, при необычайныхъ превратностяхъ жизни, или предъ страхомъ смерти, люди самые равнодушные впадаютъ въ болѣзненную боязливость, легкомысленные и немыслящіе задумываются до сумасшествія, невѣры дѣлаются суевѣрами, самодовольные доходятъ до унынія и отчаянія, жестокіе и дерзкіе дѣлаются робкими и трусливыми. Въ такія-то времена счастливѣе и тверже оказывается тотъ, для кого превратности жизни и страхъ смерти не бываютъ неожиданностью, кто заранѣе думалъ о нихъ, ставилъ себѣ определенное убѣжденіе и приготовился ко всему, что можетъ случиться съ нимъ въ жизни и послѣ настоящей жизни. Такимъ образомъ для всякаго человѣка, желаетъ онъ этого, или не желаетъ — склоненъ онъ къ этому или несклоненъ,—открывается необходимость серьезно поставить предъ собою эти вопросы о смыслѣ и цѣли жизни, и такъ или иначе прояснить ихъ для себя усиліями ли собственной мысли, или свѣтомъ вѣры,—составить себѣ о нихъ определенныя убѣжденія религіозныя, или философскія, самостоятельно выработанныя, или отъ другихъ усвоенныя, — съ тѣмъ, чтобы эти убѣжденія давали определенный смыслъ и направленіе жизни.

Поставимъ же прямо и серьезно предъ собою эти вопросы и посмотримъ, какіе отвѣты даютъ, т. е. какія воззрѣнія на жизнь даютъ человѣку самостоятельная человѣческая жизнь и Божественное откровеніе.

Мысль человѣческая, какъ мы уже сказали, отъ самаго начала, отъ самаго такъ сказать рожденія своего много занимавшаяся этимъ вопросомъ, придумала на него нѣсколько

весьма разнообразныхъ отвѣтовъ. Отвѣты эти сдѣлались достояніемъ человѣчества, и мысль человѣчества, смотря по обстоятельствамъ времени и характеру развитія своего, въ извѣстныя времена даетъ предпочтеніе то одному, то другому изъ нихъ. Воззрѣнія эти временами видоизмѣняются, принимаютъ различныя формы и оттѣнки въ своемъ выраженіи и примѣненіи, но въ сущности остаются тѣми же, какими издавна они явились въ мысли человѣчества. Въ волѣ каждаго выбрать себѣ въ руководство для жизни одно изъ такихъ воззрѣній, или не удовлетворяться ни однимъ изъ нихъ.

II.

«Жизнь, говорили нерѣдко, есть наслажденіе, пиръ веселый, торжище богатое, на которомъ всякій можетъ найти, что нужно. Нѣтъ надобности искать въ ней высшихъ отдаленныхъ цѣлей и сокровеннаго смысла. Она сама себѣ цѣль, — наслажденіе ею есть ея прямой и высшій смыслъ. Пользуясь живущій жизнью, не задумываясь надъ ея смысломъ, — пользуйся настоящимъ, не заботясь о будущемъ. Спѣши захватить себѣ на этомъ пирѣ жизни, сколь возможно, болѣе удовольствій». Вотъ философія, которая должна быть особенно пріятна молодымъ умамъ, еще мало ознакомившимся съ жизнью, молодымъ сердцамъ мало охлажденнымъ жизнью... И какъ будто въ самой природѣ человѣческой есть основаніе для такой философіи, сочувствіе кътакого рода воззрѣніямъ на жизнь. Откуда въ человѣкѣ такая глубокая, неискоренимая и сильнѣйшая всякой другой любви, любовь къ жизни, если въ жизни не заключается величайшее для человѣка благо? Отчего всѣ люди — безъ исключенія можно сказать — цѣлью своей жизни ставятъ исканіе счастья, только различнымъ образомъ представляемого людьми, если счастье не есть въ самомъ дѣлѣ цѣль жизни?

Но гдѣ же эта цѣль? Гдѣ это счастье безъ горя и страданій, утратъ и лишеній, трудовъ изнурительныхъ и неудачъ, болѣзней и смерти?... Есть ли, былъ ли за тысячи лѣтъ среди миллионовъ людей хоть одинъ человѣкъ, который могъ бы сказать о себѣ, что онъ достигъ этой цѣли? Былъ ли хоть одинъ человѣкъ, который бы по крайней мѣрѣ узналъ самъ и другимъ сказалъ, что такое счастье и гдѣ оно и какъ его найти?... Вначалѣ, правда, каждый человѣкъ идетъ на жизнь съ бодростью и надеждою, какъ бы на веселый пиръ, или на богатое торжище. Но сама жизнь разбиваетъ и разрушаетъ то свѣтлое представленіе о ней, которое хотѣлось бы и пріятно было бы имѣть всѣмъ людямъ, но которое оказывается несогласнымъ съ дѣйствительностью. Кто испытывалъ въ жизни однѣ радости, кто находилъ въ ней все, чего искалъ и желалъ? Кто испытывалъ въ жизни хоть одну радость чистую и полную, безъ всякой примѣси охлажденія или горечи, кто считалъ себя вполне удовлетвореннымъ и счастливымъ даже и при достиженіи своихъ желаній и цѣлей? Много препятствій къ достиженію счастья, къ удовлетворенію желаній, представляется человѣку отъ природы, — въ противодѣйствующихъ силахъ природы, во враждебныхъ обстоятельствахъ среды, въ недостаткѣ и ограниченности собственныхъ силъ; но еще болѣе препятствіемъ къ достиженію счастья служитъ то, что человѣкъ не находитъ счастья даже и въ удовлетвореніи своихъ желаній. Источникъ недовольства и неудовлетворимости, жажды, тоски и страданія человѣкъ находитъ не внѣ, а внутри себя. Намъ часто кажется, что наше недовольство зависитъ отъ того, что у насъ нѣтъ того и того. А навѣрное, еслибы и все это было, мы не перестали бы быть недовольными. Еслибы жизнь со всѣхъ сторонъ улыбалась человѣку, еслибы онъ не имѣлъ никакихъ внѣшнихъ причинъ и предлоговъ къ жалобѣ и страданію, навѣрное онъ самъ себѣ сталъ бы измышлять предметъ и предлогъ для жалобы и страданія. Такъ это и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Тяжелый гнетъ крайней нужды, непосильнаго труда, мучительной болѣзни, горь-

кой утраты, обиднаго униженія и стѣсненія естественно выдавливаетъ изъ груди человѣка стонъ жалобы и страданія. Но иногда мы видимъ напротивъ, что болѣзненная наклонность къ чрезмѣрной требовательности и раздражительности, къ жалобѣ, тоскѣ и страданію, развивается въ людяхъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе ласкаетъ ихъ жизнь, чѣмъ менѣе возмущается ихъ покой и довольство тяжелыми трудами и болѣзнями, неудачами и испытаніями. И такъ-то жалуются и ропщутъ, тоскуютъ и болѣе или менѣе страдаютъ въ мірѣ всѣ люди—малые и великіе, бѣдные и богатые, знатные и незнатные, больные и здоровые, обидимые и обидящіе, подневольные и властвующіе, трудящіеся и праздные, невѣжды и мудрецы... Итакъ, не въ равной ли степени справедливо или несправедливо будетъ назвать жизнь, какъ ее и называли иногда, тюрьмою, или больницей, а не веселымъ пиромъ, или богатымъ торжищемъ?...

Вѣчное недоразумѣніе человѣческой жизни въ томъ, что у человѣка нѣтъ вполне опредѣленнаго предмета для его стремленій къ счастію. Еслибы человѣку заранѣе и навѣрное было извѣстно, въ чемъ состоитъ идеалъ человѣческаго счастья, еслибы каждому, по крайней мѣрѣ, извѣстно было, въ чемъ заключаются предѣлы возможнаго для него лично счастія,—онъ можетъ быть напрягъ бы всѣ свои силы, готовъ былъ бы рѣшиться на всякіе труды и жертвы съ тѣмъ, чтобы или пасть, или найти свое счастіе. Или онъ ограничилъ бы свои желанія и стремленія съ тѣмъ, чтобы, не задаваясь многимъ и не тратя силъ своихъ на недостижимое, искать только пригоднаго и достижимаго для себя. Но въ томъ-то и дѣло, что человѣку стремленія даны необъятныя, и предѣла имъ не указано и силы для удовлетворенія ихъ ограничены. Тысячи людей стремятся къ одной цѣли, трудятся для нея, сталкиваются и борятся изъ-за нея. Болѣе половины падаютъ на своемъ пути, не достигши цѣли. Немногіе достигаютъ ее,—но и тѣ вполне ли удовлетворяются, находятъ ли завершеніе своимъ желаніямъ? Нѣтъ:

то, что казалось снизу вѣнцомъ счастья, оказывается только новою ступенью къ дальнѣйшему;—и вотъ начинается новое исканіе, новый трудъ и жертвы, далѣе и далѣе, безъ остатковъ, пока силы не истощатся и смерть не положить всему конца.... А представленіе этого конца жизни для людей, которые цѣлью жизни поставляютъ наслажденіе и далѣе ея ничего не знаютъ и не ожидаютъ, развѣ не можетъ омрачить свѣтлаго представленія о жизни? Еслибы въ самомъ дѣлѣ жизнь была непрерывною смѣною удовольствій, самозабвеніемъ счастья,—одно уже представленіе о томъ, что все должно кончиться, и скоро кончиться и неизвѣстно—когда, черезъ тридцать, десять лѣтъ, нынче, завтра, можетъ быть, среди самаго широкаго разгара этого жизненнаго пира,—одно это представленіе способно растворить горечью отравы наслажденія жизни—отравы тѣмъ болѣе горькой и ядовитой, чѣмъ болѣе сладкимъ и пріятнымъ кажется самое удовольствіе....

«Жизнь—счастье, пиръ веселый. Пользуйся жизнію, не задумываясь надъ ея смысломъ. Пользуйся настоящимъ, не заботясь о будущемъ. Спѣши взять себѣ на этомъ пиру все, что можешь». Пріятна на видъ эта философія,—но трудно повѣрить искренности того, кто первый разъ высказалъ ее. Кажется, ее высказывали не отъ самодовольства, не отъ восторженнаго упоенія жизнію, а скрѣпя сердце, съ желаніемъ заглушить внутреннюю тоску и боль, обмануть себя и другихъ.... «Жизнь—пиръ веселый», потому что ты алчешь и жаждешь, и инаго удовлетворенія твоей алчбѣ и жадѣ нѣтъ, кромѣ того, которое предлагаетъ эта жизнь. Хорошо ли оно для тебя, или нѣтъ, достаточно или недостаточно, для своего собственнаго утѣшенія старайся представлять его себѣ роскошнымъ, веселымъ, обильнымъ пиромъ,—ибо другаго ничего для удовлетворенія твоей алчбѣ и жадѣ не получишь.... «Спѣши взять себѣ на этомъ пирѣ все, что можешь»,—ибо скудно и тѣсно на немъ,—мало приготовлено, а желающихъ много,—каждое удовольствіе приходится приобрѣтать трудомъ тяжелымъ, за каждый даръ вести борьбу